

УДК 947

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/61>

ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЭСЕРОВ: СТАНОВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕР

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950, канд. ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

MAIN POLITICAL AND IDEOLOGICAL VIEWS OF THE SRs: FORMATION AND CHARACTER

©Protasova O., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-code: 3562-1950, Ph.D.,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые компоненты политической доктрины партии социалистов-революционеров, представлявшей народническое течение в российском социализме конца XIX — первой четверти XX вв. Показано разнообразие идейно-философских направлений в рядах ПСР, что обеспечивало внутренний демократизм, но затрудняло процесс консолидации и централизации партии. Охарактеризован этап становления партийной программтики, долгий и остро дискуссионный. Выявлены особенности характера программных взглядов ПСР по основным социально значимым пунктам, в том числе государственно-правовому и аграрному. Отмечено классически народническое отношение эсеров к вопросу социальной структуры и стратификации России — с признанием в качестве прогрессивного класса всего «трудового народа», включающего рабочих, трудовое крестьянство и трудовую (социалистически настроенную) интеллигенцию. Дана оценка ПСР как организации, придерживавшейся в своей политической практике принципов демократии и плюрализма.

Abstract. The article examines the key components of the political doctrine of the Socialist-Revolutionary Party, which represented the populist trend in Russian socialism in the late 19th - first quarter of the 20th centuries. The diversity of ideological and philosophical directions in the ranks of the Socialist-Revolutionary Party is shown, which ensured internal democracy, but hampered the process of consolidation and centralization of the party. The stage of formation of party programmatic, long and sharply debatable, is characterized. The features of the nature of the programmatic views of the Socialist-Revolutionary Party on the main socially significant points, including state-legal and agrarian ones, are revealed. The classical populist attitude of the Socialist-Revolutionaries to the issue of the social structure and stratification of Russia is noted — with the recognition as a progressive class of the entire “working people”, including workers, the working peasantry and the working (socialist-minded) intelligentsia. The Socialist-Revolutionary Party was assessed as an organization that adhered to the principles of democracy and pluralism in its political practice.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, народничество, государство.

Keywords: party of socialist revolutionaries, populism, state.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью осознания того, что еще более ста лет назад в России существовали политические силы, чьи взгляды на перспективы развития страны и ее народа во многом перекликаются с современными представлениями о гражданском обществе и не выглядят вторичными по сравнению с выкладками зарубежных социалистов, считавшихся «пионерами» в деле выработки программы достижения общества социальной справедливости.

Новизна тематики исследования состоит в комплексной оценке основных компонентов программы ПСР и действительного политического поведения партии на поворотном этапе судеб российской государственности. Расставлены акценты на наиболее удачных программных находках эсеров, выделены спорные места в их идеологии.

Цель работы — выявление особенностей характера программных взглядов ПСР по основным социально значимым вопросам, а также определение места партии среди организаций демократического социализма и ее роли в политической истории России.

Материалы и методы исследования

Объектом данного исследования является Партия социалистов-революционеров, представлявшая народническое направление русского социализма. *Предмет* исследования — процесс создания и основные компоненты программы, касающиеся ключевых вопросов: тактики и методов революционной борьбы, организации государственной власти при социализме, социальной программы, путей аграрного переустройства.

Основные методы исследования:

- системно-структурный (Партия социалистов-революционеров рассматривается как структурный элемент партийно-политической системы России, как часть демократического / неонароднического лагеря);
- анализ (программа ПСР анализируется как типичная программа социалистической партии, так и с выделением специфических, ей одной присущих черт);
- исторической персонификации (выделены деятели ПСР, внесшие наиболее существенный вклад в создание партийной идеологии и программных документов);
- обобщение (дана общая оценка вклада партии и ее виднейших представителей в развитии отечественного и международного демосоциалистического движения).

Результаты и обсуждение

Партия социалистов-революционеров (ПСР) занимает особое место среди политических организаций России начала XX в. Именно ей удалось стать самой массовой из партий (к середине 1917 г. в ее рядах состояло до 1 млн человек [1, 307]). ПСР неслучайно называют «партией трагической судьбы» — в период Великой Российской революции она имела шанс направить развитие России по своему сценарию, однако не сумела им воспользоваться; этот горький урок эсеры анализировали в течение последующих десятилетий — кто в эмиграции, кто в советских тюрьмах и лагерях.

Плюрализм, демократизм, внутренняя свобода — все эти качества применимы к характеристике ПСР. Они выглядят чрезвычайно привлекательно с сегодняшней точки зрения, но в революционных условиях, требовавших идейной и организационной концентрации и, помимо того, жесткости и воли к власти, скорее расценивались как слабость, интеллигентская мягкотелость. Одержав убедительную победу на выборах во Всероссийское Учредительное собрание (получив почти 40% голосов), эсеры оказались не в силах противостоять

большевикам и другим левым радикалам в ходе единственного заседания этого форума 5 января 1918 г.

Социалисты-революционеры — неонародническая партия. Неонародничество — это обновленное народничество, вышедшее на политическую арену России в 1890-х гг. Оно трезво относилось к крестьянской общине, не идеализируя ее, и не отрицало возможности наступления капиталистического этапа в стране, в этом пункте, с некоторыми поправками, проявляя солидарность с марксизмом. В отличие от своих предшественников, не получивших возможности выступить в качестве оппонентов власти легально, неонародники громко заявили о себе не только как идеологи, но и как публичные политики, выделив из своих рядов парламентариев и государственных деятелей периода революции 1917 г.

Плюрализм эсеров в отношении теории не вызывает сомнений. Партия, считали они, не может подчиняться какой-то одной раз и навсегда установленной идейной линии, уподобляясь тем самым духовной секте. У эсеров не было ни книги, которая выступала бы в качестве своеобразной партийной Библии и всеми почиталась, ни харизматического лидера, слово которого являлось бы законом для всех без исключения однопартийцев. Автором большинства теоретических сочинений эсеров был В. М. Чернов, талант которого признавался многими, в том числе и во внеэсеровской среде, однако его авторитет как идеолога отнюдь не был абсолютным, а организаторские способности и вовсе вызвали множество критических отзывов. ПСР, имея в своих рядах много ярких деятелей со славным революционным «бэкграундом», была обречена на организационную полицентричность.

В рядах социалистов-революционеров царил пестрота, не свойственная в подобных масштабах другим российским партиям: здесь были и поклонники Н. К. Михайловского с его позитивистским субъективно-социологическим подходом, и последователи модных в ту пору философских течений — махизма, эмпириокритицизма, неокантианства и ницшеанства [2]. Степень революционности также у всех была разная: правое эсеровское крыло фактически выступало за эволюционный ход общественного развития без применения насильственных методов борьбы, левое — приветствовало и, особенно в первые годы XX века, активно применяло в борьбе с «самодержавием и полицейским произволом» самые «сильные» средства, то есть террор. Такое идейно-тактическое многообразие никак не могло способствовать организационной монолитности партии, зато привлекало сторонников из разных социальных слоев и групп.

Объединяло эсеров неприятие марксизма, прежде всего — свойственного ему сугубо материалистического объяснения общественной жизни, которую сами народники рассматривали как совокупность явлений и событий не только экономического, но и идеологического, и психологического характера, взаимозависимые и равнозначные, находящиеся друг с другом в функциональной связи. Марксистская целесообразность, которую с готовностью взяли себе на вооружение большевики во главе с В. И. Лениным, для эсеров не была «гвоздем» программы. По мнению идеолога ПСР В. М. Чернова, для политической партии было бы недальновидно ставить себе высокую цель и воспринимать ее как абсолют: по мере приближения к идеалу его видение и восприятие неизбежно будет меняться [3]. Таким образом, формула Э. Бернштейна «цель — ничто, движение — все» вполне может характеризовать отношение большинства эсеров к тактике осуществления общественных преобразований.

Главным условием пребывания в партии считалась лишь вера в ее конечную цель — социализм. Эсеры переняли у народников 1860-80-х гг. идею о возможности особого пути России к социализму, не дожидаясь создания предпосылок для этого капиталистическим строем. Объектом своей заботы эсеры считали весь трудовой народ (триединство рабочих,

крестьян и трудящейся интеллигенции), но прежде всего — его основную часть, многомиллионное крестьянство, которое надлежало приобщить к идеям социализма, привив прежде культуру, чувство собственного достоинства и начала гражданского сознания. Особое положение России в мире и ее путь к социализму В. М. Чернов и его единомышленники объясняли не так, как в свое время славянофилы — не иррациональными духовностью, соборностью, православием, а сложившимся международным разделением труда: Россию они считали «Евразией», стоящей между чисто индустриальными и примитивно-аграрными «колониальными» странами. При этом неонародники признавали, что связь России с «передовыми странами цивилизованного мира» неуклонно усиливается [4].

Классовое деление общества для эсеров определялось не отношением к собственности, а отношением к труду и источниками доходов. Марксистское учение о классовом антагонизме они в целом не оспаривали и признавали в России наличие двух противостоящих друг другу лагерей. В одном из них находились те, кто жил за счет эксплуатации чужого труда, а в другом — живущие своим трудом.

По сравнению с марксистами эсеры, как и положено народникам, рассматривали социально-прогрессивный класс значительно шире: первые причисляли к таковому лишь пролетариат, оценивая революционный потенциал крестьянства — класса хоть и мелких, но собственников — как весьма скромный. Для эсеров, хотя они и признавали за рабочим классом более высокую степень организованности и сознательности, чем у крестьян, разницы в «ценности» для революции между ними не было. По своей же численности и значению в хозяйственной жизни России именно крестьянство являлось «едва ли не всем». Эсеры категорически возражали против зачисления крестьянства в «мелкобуржуазный» класс, доказывая, что крестьянство в своей массе — трудовой элемент, и лишь ничтожная доля населения деревни — так называемые «хозяйственные мужики», именуемые также кулаками, сельскими ростовщиками, словом, эксплуататоры. К борьбе с ними страстно призывала эсеровская пропагандистско-агитационная литература, с начала 1900-х гг. широко распространяемая в деревне. Появление этой нетрудовой категории — следствие воздействия извне правительственной политики и промыслово-ростовщического капитала [2], считали эсеры. Единственный выход из катастрофически низкого экономического, политического и правового положения тружеников деревни эсерам виделся в социализме, который представлялся им конечной целью социального прогресса, с разумно устроенной, счастливой и радостной жизнью каждого человека.

Дворянство эсеры оценивали как класс, обреченный историей, однако из-за инертности социально-экономического развития России считали необходимым бороться с его по-прежнему привилегированным положением как оплота абсолютистского строя [3]. К лагерю контрреволюции эсеры относили самодержавие и его «приспешников»: землевладельцев и буржуазию, чьими источниками дохода были рента и прибыль, эксплуатация, а не труд.

За интеллигенцией же эсеры, как и народники предыдущей эпохи, признавали громадный долг перед народом, оплатить который она могла неустанной борьбой за интересы крестьянства и пролетариата, заботой о «простых» людях, просвещением их, привитием им основ правосознания, чтобы они осознанно начали путь в социалистическое будущее. Интеллигенция в понимании эсеров была внеклассовой политической силой, в качестве характеристик которой они называли духовность, научные знания, способность к творческому созиданию (прежде всего интеллектуальных ценностей), усвоению и распространению революционной теории, несение социалистических идеалов в массовое сознание, организация борьбы за освобождение трудового элемента от экономических и духовных оков и т. п. Словом, на интеллигенции лежала обязанность политико-идеологического руководства трудовым

народом. Впрочем, здесь имелась в виду не вся интеллигенция, а лишь «трудовая», к каковой относились те, кто разделял социалистические идеалы. Либералам (кадетам и близким к ним) эсеры отводили место между двумя лагерями — революционным и контрреволюционным. Октябристы зачислялись в разряд помещичье-буржуазных, следовательно, консервативных, антинародных партий, недостойных именоваться интеллигентскими [5].

Вслед за Н. К. Михайловским, который в 1890-е гг. возглавлял народничество в идеологической полемике с марксизмом и вместе с П. Л. Лавровым стоял у истоков отечественной социологии, многие видные эсеровские деятели уделяли внимание социологическим исследованиям (достаточно вспомнить хотя бы П. А. Сорокина, который по праву считается мировым классиком социологической науки). Не чужд данной проблематики был и В. М. Чернов, особенно когда занимался разработкой основ партийной доктрины. Эсерами была создана целая социологическая схема, в которой важная роль отводилась аксиологии, правовым, моральным факторам. По примеру Михайловского, автора субъективного метода в социологии, Чернов и его сторонники подчеркивали, что и отношение к истории неизбежно должно быть субъективным [2].

Программа ПСР выработывалась долго и трудно — с середины 1902 г. до начала 1906 г., когда ее проект был принят на первом учредительном партийном съезде. Первоначально было представлено две основные редакции — одна за авторством Н. И. Ракитникова, и другая, написанная В. М. Черновым (при активной поддержке М. Р. Гоца и Л. Э. Шишко) в Женеве. Оба варианта подверглись критике, и в результате бурных обсуждений, в которых приняли участие видные эсеры — Г. А. Гершуни, Е. К. Брешко-Брешковская, О. С. Минор, И. А. Рубанович и другие, появился так называемый «синкретический» проект [4], представлявший собой компромисс мнений обеих группировок. Ряд критиков, впрочем, нашли и в новом проекте массу недостатков: например, Я. Л. Юделевский заявлял, что в программе слишком много от марксистской доктрины, с которой далеко не все эсеры согласны. Защитники проекта убеждали, что в сложившихся условиях необходимо не прописывать в программе «особость» России, что изолирует партию от европейского социалистического движения, а «говорить на языке международного социализма». В. М. Чернов доказывал, что в основе программы лежат элементы научного социализма, составляющие часть марксистской доктрины, а не экономический раздел марксизма как таковой. В конце концов проект был изучен и достаточно благосклонно принят российскими эсерами. Некоторые (как Н. П. Огановский, Н. С. Русанов, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др.), правда, делились своими возражениями, но до серьезных контрпроектов дело не дошло. В партийном органе ПСР газете «Революционная Россия» в 1903–1904 гг. регулярно выходили обоснования, пояснения, комментарии к программе, что в немалой степени способствовало популяризации последней.

По своему построению эсеровская программа мало чем отличалась от подобных документов других социалистических партий. В ней было 4 основных блока: первый посвящался анализу мировой системы капитализма; второй — международному социалистическому движению; в третьем давалась характеристика своеобразных условий развития социализма в России; в четвертом излагалась конкретная программа движения, разделенная на программу-минимум и программу-максимум.

Важнейшим требованием эсеровской программы-минимум был созыв Учредительного собрания (в ранних редакциях — Земского собора) на демократических началах. Этому форуму, идея которого занимала умы демократов со времен Великой Французской революции, надлежало решить дальнейшую судьбу российской государственности. В планах социалистов-революционеров было не просто ограничение самодержавия конституцией и парламентом, но и полная ликвидация монархии, установление демократической республики, где значительную

роль будут играть формы прямой демократии — референдумы, плебисциты. Эсеры считали необходимым отделение церкви от государства, обязательное светское образование — полную секуляризацию. Постоянную армию предполагалось заменить народным ополчением. По существу, данный раздел программы был практически идентичен соответствующим разделам программ прочих отечественных (да и европейских тоже) социалистических партий.

Программа-максимум указывала конечную цель партии — социалистический общественный строй с высокой степенью гражданской солидарности, которая придет естественным образом по мере общекультурного развития людей. В этой части программы говорилось и о предшествующей окончательному наступлению социалистического общества «полной победе рабочего класса, организованного в социально-революционную партию», которые при необходимости установят в государстве свою временную диктатуру [4].

Эсеры не были столь последовательными этатистами, как их «соседи» по народническому лагерю — народные социалисты, которые считали государство главным субъектом правоотношений и при социализме, и на пути к нему. Однако так называемый либертаризм с его стремлением к минимизации функций и значения института государства им (разве что за исключением самых левых) в целом свойствен не был. Тем не менее, определенная аморфность воззрений на формы будущих отношений государства и общества нашла отражение в ряде элементов программы эсеров. например, в той же аграрной ее части фигурировало определение «ничья земля», и это вызывало резонные вопросы и критику в адрес партии. Упреки следовали со стороны тех же народных социалистов, которые считали необходимым максимально конкретизировать статус всех участников правовых отношений в столь важном для России вопросе, как земельный. Либералы, в чьих рядах было много профессиональных юристов, тоже недоумевали, как можно, стремясь к светскому и правовому государству будущего, следовать патриархальным установкам крестьянства типа «ничья земля — Божья земля».

В традиционно сложнейшем для такого огромного и многонационального государства, как Россия, вопросе о будущем государственном устройстве эсеры планировали добиться «возможно большего» применения федеративных отношений между национальностями, признания за ними права на самоопределение, расширения автономии местных органов самоуправления.

Конкретно защите интересов пролетариата эсеры также отводили место в своей программе. Так, их программа-минимум содержала требования установления рабочего дня не более 8 часов и минимума заработной платы; страхования рабочих за счет государства и хозяев; законодательной охраны труда под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими; создания профессиональных рабочих организаций и обеспечения их права участвовать в организации труда на предприятиях. Все эти меры должны были способствовать охране духовных и физических сил рабочего класса в городе и деревне, увеличению его способности к дальнейшей борьбе за социализм.

Социальный раздел программы был достаточно обширен и актуален для своего времени. Следует отметить, что эсеры в своих предвыборных платформах (особенно на выборах в органы местного самоуправления летом 1917 г.) акцентировали особое внимание именно на нем. Партия планировала обеспечить развитие разного рода общественных служб и предприятий: бесплатной медицинской помощи; земских агрономических и продовольственных организаций и т. п. Она выступала за предоставление государственного кредита трудовым хозяйствам, преимущественно на кооперативных началах; за ответственную коммунальную, земскую и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах и т. д.

И, конечно, нельзя не сказать особо об эсеровском проекте решения аграрного вопроса. Эсеровский аграрный проект предполагал *социализацию* земли, что подразумевало отмену частной собственности на землю, превращение земли не в собственность государства, а в общенародное достояние. Именно этот пункт — ключевой по значимости в российских социально-экономических реалиях — стал центральным в эсеровской программе.

Подобно всей партийной доктрине, в своем становлении аграрная программа она прошла непростой путь. В документах ранних эсеровских организаций второй половины 1890-х гг. она не была развернута [2]. Там говорилось о природе крестьянства — трудовой и социалистической, о поддержке общины, развитии кооперации и т. п. Инициатором программы социализации земли выступил в 1902 г. К. Р. Качеровский, доработана и развита она была уже В. М. Черновым, взявшим на вооружение некоторые идеи Э. Бернштейна, Ф. Герца, Э. Вандервельде и др. и дополнившим ими отечественную социалистическую «классику». Программа социализации земли предполагала уничтожение частной собственности на землю, изъятие ее из товарного оборота и превращение в общенародное достояние без выкупа. Право распоряжения землей передавалось органам народного самоуправления, которые должны были избираться демократическим путем; низовой уровень таковых представляли бы общины, высший — центральные учреждения. Право пользования земельными угодьями предоставлялось, согласно проекту, на уравнительных условиях (по трудовой норме) тем, кто станет трудиться на земле, обрабатывать ее своими руками, силами своей семьи. Государству эсеровская аграрная программа передавала права на недра земли.

Аграрная программа апеллировала к массовой психологии протонародья: в ней содержалось осуждение частной собственности на землю, апология категорий «равенства» и «справедливости» (всегда чрезвычайно популярных в русском массовом сознании), акцент на общинные, коллективные начала управления и труда. Эсеры и сознательно, и инстинктивно учитывали как ментальные особенности крестьянского мира, так и социально-экономическую конъюнктуру своего времени. Это принесло им осязаемые успехи на общественном поприще: партия получила немало голосов на выборах в I и II Государственные Думы, а затем, в 1917 г. — во Всероссийское Учредительное собрание.

Следует коснуться и отношения ПСР к общине. Как сказано выше, неонародники эсеры смотрели на общину открытыми глазами и не были склонны абсолютизировать ее достоинства, однако по сравнению с народными социалистами их отношение к общине было менее критичным. По принятии программы социализации земли в рядах эсеров нашлось место и апологии этого института: общину позиционировали как оплот обычного права, как некую панацею, революционизирующую крестьянство, внедряющую в его сознание коллективистских, социалистических начал. Эсеровские идеологи убеждали, что именно община препятствует капиталистической дифференциации крестьянства, оберегает его от распространения «фанатизма собственности» [2]. В дальнейшем, в межреволюционный период, общину все чаще стали сближать с кооперацией. Так, В. М. Чернов, П. А. Вихляев, Н. И. Ракитников и др. заявляли о том, что общину нельзя считать единственным средством переустройства сельского хозяйства, нужно принимать во внимание многообразие форм хозяйствования на земле.

После разработки эсерами своей партийной программы важной задачей стала ее популяризация среди крестьянского населения. Работа с этой «целевой аудиторией» была сложна и специфична, что эсеры вполне понимали. С самого начала 1900-х гг. они развернули пропагандистскую работу в провинции, используя многообразные методы, доступные крестьянскому восприятию [6]. Старания партийных активистов вполне увенчались успехом. К 1903 г. ПСР стала не только хорошо известна по всей европейской России, но и обретала все

больше сторонников, последователей. Добровольными помощниками партии становились наиболее «продвинутые» элементы деревни, а подчас и города: грамотные крестьяне, рабочие, учителя, иногда даже священнослужители и т. п. [6]. Язык и стиль общения с народом выбирался безошибочно: эсеры, как правило, «изнутри» знали народную среду, ее недостатки и нужды, ее желания и ценности. В их обращении крестьяне не чувствовали фальши (мол, «барин чудит, прикидывается своим»), зато ощущали искренность и заботу. Пропагандистская и просветительская литература была выполнена в мягко-поучительном тоне, не унижавшем достоинства читателей. Для усиления эффекта использовалась и стихотворная форма: достаточно широко были распространены такие «вирусные» сочинения, как, например, «Крестьянская Марсельеза», разъяснявшая сомнительность улучшения положения крестьян после реформы 1861 г., и др.

Как отмечал В. М. Чернов, едва ли не главная трудность коммуникаций с населением деревни состояла в том, что необходимо было во что бы то ни стало «зацепиться» за какой-то архетип, найти паттерн, который безотказно находил бы путь к уму и сердцу крестьянства. Традиционно это была религия, однако религиозный фактор социалисты использовать не могли из этических соображений: не только потому, что они сами воспринимали его как «опиум для народа» и потому считали нечестным притворяться религиозными перед крестьянством, но и потому, что одной из своих просветительских целей имели внедрение гражданского, критического, светского сознания в народную среду. В качестве «замены» религии эсеры избрали солидарность, которую считали основой будущего общества социализма. Они доказывали: чем выше уровень развития личности, тем на более высокую степень солидарности она в принципе способна. Следовательно, нужно развить в каждом человеке такую социальную личность, что будет проявлять эмпатию и солидарность не только со своей семьей, общиной и даже классом, а со всем человечеством (1, д. 17, лл. 177–179).

Изначально эсеровская среда могла представлять собой еще более широкий конгломерат сторонников народничества, чем вышло в итоге. Однако на первом съезде ПСР, проходившем 25 декабря 1905 — 2 января 1906 гг. в Финляндии, в народнических рядах произошел раскол. От партии отошли две заметные группировки. Одна из них, т. н. «московская оппозиция», образовала вскоре самостоятельную организацию — Союз социалистов-революционеров максималистов, который приветствовавший крайние методы борьбы, в частности, аграрный террор (захваты помещичьих земель, «черный передел», поджоги усадеб и т. п.), критикуемые основной частью ПСР. «Умеренные» эсеры считали эти методы пагубными прежде всего для самих крестьян, и не только из-за репрессий, которые должны были последовать со стороны властей, сколько из-за опасности распространения деструктивной агрессии, разрушающей общинные, хозяйственные, социальные начала, духовный мир крестьянства изнутри.

Вторая отошедшая от эсерства группа представляла известный народнический журнал «Русское богатство». Ее участники (А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский) подвергли критике не только тактику ПСР, но и организационные начала партии. Они придерживались, по сравнению с большинством эсеров, более правых позиций и считали, что подпольная борьба за социальную справедливость не решит российских проблем, и признавали исключительно открытую политическую арену, в то время как эсеры рассматривали возможность работы партии в условиях нелегальности. Основанием для разрыва явились также расхождения по вопросу структурирования программы (правые народники считали искусственным, а значит, ненужным деление ее на минимум и максимум) и по аграрной проблематике («богачи» критиковали эсеровский проект социализации и настаивали на национализации земли, передаче ее в собственность государства). После ухода

со съезда группа «Русского богатства» занялась политической самоорганизацией, и осенью 1906 г. в Департаменте полиции была зарегистрирована народно-социалистическая партия.

Что касается программы ПСР, то после учредительного съезда в нее принципиальных изменений не вносилось. Будучи официально принятой, постепенно она стала восприниматься как нечто окончательное и находила отклик (особенно в аграрной части) у населения. Тем не менее, лавры успешного претворения столь популярного аграрного проекта в жизнь достались вовсе не ПСР, которая законопослушно делегировала решение земельного вопроса Учредительному собранию; В. М. Чернов, даже возглавляя министерство земледелия Временного правительства, не решился своей властью начать реализацию проекта собственной партии. Зато преуспели противники эсеров: в 1917 г. эсеровский проект социализации был «позаимствован» большевиками, которые (как оказалось, небеспочвенно) рассчитывали с его помощью заручиться поддержкой крестьянских масс. Сам В. И. Ленин признал: «Мы победили потому, что приняли не нашу аграрную программу, а эсеровскую и осуществили ее на практике» [2]. Сыграло роль и большевистское потворство практике стихийных земельных захватов, которые вновь получили распространение в 1917 г. и против которых боролся Чернов на своем министерском посту. Аграрная революция началась снизу; с правовой точки зрения необходимо было пресекать ее перегибы, с политической оказалось целесообразным форсировать их.

В контексте своей доктрины партийные идеологи достаточно высоко оценивали значимость революционных событий и 1905–1907, и 1917 гг. Они сравнивали их ход и характер с громкими событиями в общественно-политической жизни Европы: Великой Французской революцией, чередой революций 1848 г., Парижской коммуной. По их мнению, в их результате могли быть созданы условия для «некапиталистической эволюции» сельского хозяйства и социума в целом. К сожалению, как выразился на закате своей долгой жизни видный деятель ПСР М. В. Вишняк, партия, как и все это поколение социалистов-демократов, оказались в числе тех, кого французы называют «защитниками проигрышных дел» или среди «великих неудачников» XX века, невзирая на все частичные достижения и временные удачи, как и бескорыстную жертвенность» [7].

Заключение

Самоотверженно боровшаяся с самодержавием, прошедшая через тюрьмы, каторги и ссылки, ПСР в революционном 1917 г., несмотря на открывавшиеся перед ней блестящие перспективы, казалось, обеспеченные народной поддержкой, увы, не сумела реализовать свои планы и повести страну по намеченному пути в социализм. Получилось так, что в политическом блоке с меньшевиками, при своей массовости, она стала не ведущей, а ведомой. В организационно-структурном отношении, лишенная единства и подлинной централизации, раздираемая внутривнутрипартийной борьбой за лидерство, полицентризм, ПСР не могла противопоставить свою волю большевикам, на фоне которых ее лидеры выглядели вялыми политиками, не очень уверенными в своей правоте. Массовому же сознанию свойственно быстро реагировать на складывающуюся в обществе конъюнктуру, и из вчерашних кумиров эсеры, не без помощи большевистской пропаганды, быстро превратились в глазах «народа» в его «врагов» [8]. Крупнейшие эсеровские фигуры, по оценке Д. А. Лутохина, относились к поколению, у которого революционный уклон вырождались в авантюризм, в любовь к приключенчеству, потому что эпоха, когда это поколение формировалось, «была далека от сроков... реализации социализма» [9]. В этом вердикте, несмотря на его тенденциозность (на момент написания этих слов Лутохин признал советскую власть), пожалуй, есть рациональное зерно: в рядах эсеров действительно было много романтиков, особенно по сравнению с

большевистским руководством, чей подход к политической деятельности был абсолютно утилитарен.

Итак, политическая схватка 1917–18 гг. была эсерами проиграна. И все же партии демократического социализма, к которым, безусловно, относится ПСР, оказали большое влияние на социально-политическую модернизацию России, заложив основы гражданской культуры в стране. Их идеологическое наследие по-прежнему актуально для изучения. Российские дореволюционные демосоциалистические партии рассматривают политическую борьбу как процесс, которому должны быть присущи этические-нравственные начала, чем государственным деятелям современной эпохи ни в коем случае нельзя пренебрегать. В этом посыле заключается разница между отечественными «мягкими» социал-демократами, а также народниками, и большевиками. Последние создали партию авангардного типа, для которой политическая, классовая целесообразность затмила общечеловеческие ценности и моральные устои. Уверенная (хотя и нередко безответственная) риторика, громкие обещания, даваемые по самым болезненным вопросам жизни страны, производила впечатление на малообразованные, измученные войной и прочими невзгодами массы, и большевики выглядели в глазах масс выигрышнее, чем нерешительные, рефлексирующие интеллигенты из либеральных и умеренно-социалистических организаций. В мирное, благополучное время Ленину и его единомышленникам столь ошеломительного политического успеха достичь бы не удалось, но на поворотном этапе российской судьбы «пассионарность» большевиков, воля к власти их руководителей обеспечили им победу в политическом соперничестве с демократами.

Несовместимыми с понятиями свободы и демократии, а, следовательно, и социализма в представлениях эсеров, народных социалистов, меньшевиков считались: диктатура в любой форме (классовой, внутривнутрипартийной, государственной), тоталитарные принципы управления любого масштаба, слепое и безоговорочное подчинение личности групповым, классовым интересам, даже во имя социального прогресса. Отсутствие в постсоветской России партий, не просто в названиях, но и в действительности отстаивающих идеи социализма и демократии, по мнению некоторых исследователей, является одним из следствий поголовного уничтожения носителей и защитников этих идей — эсеров и меньшевиков — в эпоху советского тоталитаризма [10]. Потребительское, пассивное отношение к благам, которые якобы должно предоставлять государство всем и каждому вне зависимости от заслуг, было свойственно многим в России и сто лет назад, свойственно, увы, и сегодня. Говоря о народном благе, эсеры мечтали вовсе не об этом. Человек должен трудиться, иметь активную человеческую и гражданскую позицию, быть достойной во всех отношениях личностью — тогда он станет и строителем, и органической частицей общества социального благоденствия.

Источники:

- (1). Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5847. Оп. 1.

Список литературы:

1. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 555 с.
2. Леонов М. И. Социальная доктрина эсеров // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 56-73.
3. Чернов В. М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель: Издание Ревельского комитета ПСР, 1917. 32 с.
4. Леонов М. И. Проект программы партии социалистов-революционеров // Вестник СамГУ. 2012. №2/2 (93). С. 101-106.

5. Шишко Л. Э. Очерки по вопросам экономики и истории. М.: Новое товарищество, 1906. 248 с.
6. Протасова О. Л. Коммуникационная практика народнических партий начала XX века // Манускрипт. 2019. №10. С. 79-84.
7. Вишняк М. В. Годы эмиграции. Нью-Йорк: Hoover Institution Press, 1970. 281 с.
8. Дьячков В. Л. Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2013. 160 с.
9. Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. М.: Минувшее, 1993. 111 с.
10. Морозов К. Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М.: изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 37-56.

References:

1. Protasov, L. G. (2014). Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: Entsiklopediya. Moscow. (in Russian).
2. Leonov, M. I. (2014). Sotsial'naya doktrina eserov. In *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sbornik materialov konferentsii*, Moscow, 56-73. (in Russian).
3. Chernov, V. M. (1917). Konechnyi ideal sotsializma i povsednevnyaya bor'ba. Revel'. (in Russian).
4. Leonov, M. I. (2012). Proekt programmy partii sotsialistov-revoljutsionerov. *Vestnik SamGU*, (2/2 (93)), 101-106. (in Russian).
5. Shishko, L. E. (1906). Ocherki po voprosam ekonomiki i istorii. Moscow. (in Russian).
6. Protasova, O. L. (2019). Kommunikatsionnaya praktika narodnicheskikh partii nachala KhKh veka. *Manuskript*, (10), 79-84. (in Russian).
7. Vishnyak, M. V. (1970). Gody emigratsii. N'yu-Iork. (in Russian).
8. D'yachkov, V. L. (2013). Politicheskie deyateli rossiiskoi provintsii ot epokhi Nikolaya II do Stalina. Tambov. (in Russian).
9. Lutokhin, D. A. (1993). Zarubezhnye pastyri. Moscow. (in Russian).
10. Morozov, K. N. (2014). "Partiya tragicheskoi sud'by": vklad partii sotsialistov-revoljutsionerov v kontseptsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii. In *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: sbornik materialov konferentsii*, Moscow, 37-56. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 09.02.2023 г.

Принята к публикации
16.02.2023 г.

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. Основные политико-идеологические взгляды эсеров: становление и характер // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. №3. С. 447-457. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/61>

Cite as (APA):

Protasova, O. (2023). Main Political and Ideological Views of the SRs: Formation and Character. *Bulletin of Science and Practice*, 9(3), 447-457. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/88/61>